

02.02.2015

От Хворостовского бегом на четвереньках

В Зале имени Чайковского возродили редкую русскую оперу. «Демона» Рубинштейна показали в полусценическом варианте в Московской филармонии. Удачный и своевременный музыкальный проект. Хотя к сценическому воплощению есть вопросы.

«Демон» по поэме Лермонтова, в конце XIX и первой половине XX века считавшийся одним из столпов русского репертуара, потом вдруг утратил интерес постановщиков. Сегодня в Москве он идет, кажется, только в МАМТе, в немного странной версии: посмотришь на сцену — почти академическая классика, взглянешь вверх — космический символизм.

Очевидно, главное, что тормозило «Демона» — неровная музыка. Много страниц этакого второразрядного благополучно-классического Мендельсона или Шумана. Однако такие

жемчужины, как несколько ариозо Демона и Тамары («На воздушном океане», «Ночь тепла, ночь тиха») — музыка высшего полета. Пас в будущее и «Китежу» Римского-Корсакова, и в особенности Чайковскому. Мы привыкли восхищаться: ах сцена письма Татьяны — но ведь там (не умаляя гениальности Петра Ильича) почти прямые цитаты из партии Тамары. Автор «Евгения Онегина» оказался внимательным учеником своего консерваторского профессора Рубинштейна.

А симфонические эпизоды, все эти горные бури, обвалы, в особенности эпилог, сравнимый по масштабу и обобщению с оркестровыми послесловиями к музыкальным драмам Вагнера...

Большая удача, что возродить это богатство взялся яркий молодой петербургский дирижер Михаил Татарников, в последние годы «поднявший на дыбы» Михайловский театр. Оркестр (ГАСО им. Светланова) красочен, многосоставная партитура (хор то на сцене, то в зале, Демон постоянно «перелетает» с галереи на авансцену и обратно) нигде не теряет цельности.

И, конечно, сильны главные солисты. Внешне хрупкая Асмик Григорян (запомнилась ее Сента в «Летучем голландце», привезенном год назад Михайловским театром) — обладательница неожиданно мощного и экспрессивного, хотя не с самых первых тактов оперы раскрывающегося сопрано. Дмитрий Хворостовский — лучшего Демона-искусителя, кажется, не придумаешь, с его холодноватым, идеально-дистиллированным, в то же время способным изобразить (именно ИЗОБРАЗИТЬ) любое нужное чувство баритоном. Любопытный штрих — введение на маленькую, но драматургически важную роль Ангела обладателя очень звучного и напористого контратенора Вадима Волкова.

Сценически кое-что найдено режиссером Дмитрием Бертманом удачно. Красиво смотрится Асмик-Тамара, когда она в белом платье невесты забирается в позу андерсеновской Русалочки на громадный земной глобус, а в руках у нее — другой глобус, лунный, подаренный Демоном — символ ночи и любовного искушения. Ее точеные ручки, ее босые ножки, обнимающие какое-нибудь Средиземное море или Персидский залив, смотрятся фантастически. Все это оттенено загадочно-символистскими проекциями, которые «брызнул» на стены зала венгерский видеохудожник Ласло Бордос. Но та же Асмик, бегущая от Демона по полу среди кучи подушек на четвереньках (!), вызывает ненужную усмешку. Кстати, и в этих «половых», и в космических мотивах заметны переклички с упомянутой постановкой МАМТа, но режиссер там другой — Геннадий Тростянецкий...

Концерт-спектакль в Зале Чайковского снят каналом «Культура», да и сама филармония уже прочно взяла в обычай помещать все, чем богата, на сайт для открытого бесплатного доступа. Кроме того, 2 февраля исполнение повторят в КЗЧ, а 5-го (совсем любопытно!) перенесут в только что открытый и, как считают знатоки, акустически не знающий себе равных в Москве зал Филармония-2 на Юго-Западе.

Сергей Бирюков, ["Труд"](#)